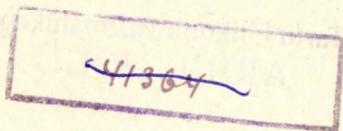

СБОРНИКЪ
Русскихъ пѣсенъ

Нарва,
Издание В. Г. ПИКАЛЕВА
1923 г.

Est. A-17278

СБОРНИКЪ
Русскихъ пѣсенъ

Нарва,
Издание В. Г. ПИКАЛЕВА
1923 г.

M. Minis'e trükk. Narvas.

Tartu Ülikooli Raamatukogu,
ARHIIVKOGU

i49273498

Стенька Разинъ.

- 1 Изъ за острова на стряжень
На просторъ рѣчной волны,
Выплываютъ росписные
Стеньки Разина челны (2 р.).
- 2 На переднемъ Стенька Разинъ
Обнявшись сидитъ съ княжной.
Свадьбу новую справляетъ
Онъ веселый и хмѣльной (2 р.).
- 3 Позади ихъ слышенъ ропоть:
„Насъ на бабу промѣняль,
Только ночь съ ней провозжался.
Самъ на утро бабой сталь“ (2 р.).
- 4 Этотъ ропоть и насмѣшки,
Слышитъ грозный атаманъ,
И онъ мощною рукою
Обняль персіянки станъ (2 р.).
- 5 Брови черныя сошлись
Надвигается гроза,
Буйной кровью налилися
Атамановы глаза (2 р.).
- 6 Все отдамъ не пожалѣю
Буйну голову отдамъ,
Раздается голось властный
По окрестнымъ берегамъ (2 р.).

- 7 А она, потупя очи.
Ни жива и ни мертва,
Молча слушаетъ хмѣльные
Атамановы слова (2 р.).
- 8 Волга, Волга, мать родная,
Волга, русская рѣка,
Не видала-ль ты подарка
Отъ донского казака 2 р.).
- 9 И чтобъ не было раздора
Между вольными людьми,
Волга, Волга, мать родная,
На! красавицу прими (2 р.).
- 10 Мощнымъ взмахомъ подымаетъ
Онъ красавицу княжну
И за бортъ ее бросаетъ
Въ набѣжавшую волну (2 р.).
- 11 Что жъ вы, черти приуныли!..
Эй ты, Филька, шутъ пляши!
Грянемъ братцы удалую
На поминъ ея души (2 р.).
- 10 Изъ за острова на стяжень
На просторъ рѣчной волны
Выплываютъ росписные
Стеньки Разина челны (2 р.).
-

Бродяга.

По дикимъ степямъ Забайкалья,
Гдѣ золото роютъ въ горахъ,
Бродяга судьбу проклиная!
Тащится съ сумой на плечахъ.

Идетъ онъ густою тайгою
Гдѣ пташки однѣ лишь поютъ.
Котель его съ боку тревожитъ
Сухарики съ ложкою бьютъ.

На немъ рубашенка худая
И множество разныхъ заплатъ,
Шапченка на немъ арестанта
И сѣрый тюремный халатъ.

Бродяга къ Байкалу подходитъ,
Рыбачью тамъ лодку беретъ
Унылую пѣсню заводитъ
Про родину что то поетъ:

Оставилъ жену молодую
И малыхъ оставилъ дѣтей
Теперь я иду на удалую:
Богъ знаетъ увижусь ли съ ней?

Бродяга Байкаль переѣхалъ
На встрѣчу родимая мать
„Ахъ здравствуй, ахъ здравствуй мамаша
Здоровъ ли отецъ хочю знать?“

— „Отецъ твой давно ужъ въ могилѣ,
Сырою землю зарытъ:
А братъ твой давно ужъ въ Сибири
Давно кандалами гремитъ“.

Пойдемъ же, пойдемъ мой сыночекъ,
Пойдемъ ты въ курень нашъ родной,
Жена тамъ по мужѣ скучаетъ
И плачутъ дѣтишки гурьбой

Пѣсня о Чуркинѣ.

Среди лѣсовъ дремучихъ, разбойнички идутъ,
Въ своихъ рукахъ могучихъ товарища несутъ. (2 р.)

Носилки не простыя -- изъ ружьевъ сложены,

А поперекъ стальные мечи положены (2 р.).

На нихъ лежалъ сраженный самъ Чуркинъ молодой
(2 р.)

Онъ весь окровавленный съ разбитой головой (2 р.)

Изъ ранъ те кровь сочилась по бровямъ по вискамъ
(2 р.)

Ремни его кольчужны кругомъ обрублены (2 р.)

Два длинныхъ пистоleta за поясомъ торчатъ

Два острые кинжала въ груди его блестятъ.

Давайте поскорѣе на мѣсто понесемъ (2 р.)

Мы вырыли могилу, мы брату своему (2 р.)

Мы вырыли спустили и сказали братъ прощай (2 р.)

Прощай, прощай, товарищъ нашъ Чуркинъ удалой
(2 р.)

Намъ нѣкогда бесѣдовать съ тобой!

А сами поскорѣй опять въ кровавый бой. (2 р.)

Ермакъ.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молнія блистала
И непрерывно громъ гремѣлъ
И вѣтры въ дебряхъ бушевали.

Ко славѣ страстию дыша,
Въ странѣ суровой и угрюмой.
На дикомъ брегѣ Иртыша
Сидѣлъ Ермакъ, объятый думой.

Товарищи его трудовъ,
Побѣды, громозвучной славы
Среди раскинутыхъ шатровъ
Безпечно спали средь дубравы.

„Вы спите, мнимые герои,
Друзья, подъ бурей ревущей!
Съ разсвѣтомъ гласъ раздастся мой,
На славу и на смерть зовущій.

„Кто жизни не щадилъ своей,
Въ разбояхъ злато добывая,
Тотъ думать долженъ лишь о томъ;
За Русь святыю погибаетъ.

„Намъ смерть не можетъ быть страшна,
Свое мы дѣло совершили:
Сибирь Царю покорена,
И мы не праздно въ мѣрѣ жили“.

Кучумъ, презрѣнный царь Сибири,
Прокрался тайною тропкою,—
И пала грозная въ бояхъ,
Не обнаживъ мечей, дружина.

Ермакъ, воспрянувъ ото сна
И, гибель зря, стремится въ волны,
Душа отвагою полна,
Но далеко отъ берега челны.

Иртышъ волнуется сильнѣй,
Ермакъ всѣ силы напрягаетъ,
Рукой могучею своей
Сѣдые волны разсѣкаетъ.

Тяжелый панцырь—даръ Царя,
Сталъ гибели его виною,
И въ бурны волны Иртыша,
Онъ погрузилъ на дно героя.

Ревѣла буря, дождь шумѣлъ,
Во мракѣ молнія сверкала,
Вдали чуть слышно громъ гремѣлъ,
Но Ермака уже не стало.

Солнце всходитъ и заходитъ.

Солнце всходитъ и заходитъ,
А въ тюрьмѣ моей темно.
Дни и ночи часовые—
Да, э-э, э-э-эхъ!
Стерегутъ мое окно.

Какъ хотите стерегите.
Я и такъ не убѣгу:
Мнѣ и хочется на волю -
Да, э-э, э-э-эхъ!
Цѣпь порвать я не могу.

Ахъ, вы, цѣпи мои, цѣпи,
Вы, желѣзны сторожа,
Не разбить мнѣ, не порвать васъ...
Да, э-э, э-э-эхъ!
Доля горькая моя.

Не летать мнѣ, какъ бывало,
Темной ночью по лѣсамъ,
Моя молодость проходить...
Да, э-э, э-э-эхъ!
По острогамъ и тюрьмамъ.

Черный, воронъ, черный воронъ,
Что ты вьешься надо мной?
Иль мою погибель чуешь?
Да, э-э, э-э-эхъ!
Черный воронъ, я не твой!

„Варягъ“.

На верхъ, вы, товарищи, всѣ по
мѣстамъ.—
Послѣдній парадъ наступаетъ!
Врагу не сдастся нашъ гордый
„Варягъ“
Пощады никто не желаетъ

Всѣ вымпелы вьются и цѣпи
гремятъ,
На верхъ якоря поднимаютъ,—
Готовьтесь къ бою! Орудій ряды
На солнцѣ зловѣще сверкаютъ.

И съ пристани вѣрной мы въ
 битву пойдемъ
Навстрѣчу грядущей намъ смерти,
За родину въ морѣ открытомъ
 умремъ,
Гдѣ ждуть желтолице черти.

Свистить и гремитъ и грохочеть
 кругомъ
Громъ пушекъ, шипѣнье снарядовъ,
И сталь нашъ безстрашный и гор-
 дый „Варягъ“
Подобенъ кромѣшному аду.

Въ предсмертныхъ мученьяхъ
 трепещутъ тѣла,
Громъ пушекъ и дымъ и стонанья.
И судно охвачено моремъ огня,
Настала минута прощанья.

Прощайте, товарищи! Съ Богомъ,
 ура!
Кипящее море подъ нами!
Не думали мы еще съ вами вчера,
Что нынче умремъ подъ волнами.

Не скажетъ ни камень ни крестъ
 гдѣ легли
Во славу мы русскаго флота,
Лишь волны морскія прославятъ
 вовѣкъ
Геройскую гибель „Варяга“.

Умеръ бѣдняга.

Умеръ бѣдняга въ больницѣ военной,
Долго, родимый, лежалъ;
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкій недугъ доконалъ...
Рано его отъ семьи оторвали:
Горько заплакала мать,—
Всю глубину материнской печали
Трудно перомъ описать!
Съ невыразимой тоскою во взорѣ
Мужа жена обняла:
Полную чашу великаго горя
Рано она испила.
И протянулъ къ нему съ плачемъ ручки
Мальчикъ, малютка грудной...
Изъ виду скрылись родныя избенки,
Край онъ покинулъ родной.
Въ гвардію былъ онъ назначенъ въ пѣхоту,
Въ полкъ нашъ; по долгомъ пути,
Сдали его въ государеву роту
Царскую службу нести.
Съ виду пригожій онъ былъ новобранецъ:
Стройный и рослый такой,
Кровь съ молокомъ, во всю щеку румянецъ,
Бойкій, смышленный, живой;
Съ еле замѣтнымъ пушкомъ надъ губами,
Съ честнымъ открытымъ лицомъ,
Волосомъ русъ, съ голубыми глазами,—
Ну, молодець-молодцомъ!
Былъ у ефрейтора онъ на порукѣ,
Къ участи новой привыкъ,
Приноровился къ военной наукѣ,—
Смѣтливый былъ ученикъ.
Старымъ его ужъ считали солдатомъ,
Сталъ онъ любимцемъ полка;

Въ этомъ измайловцѣ щеголеватомъ
Кто бы узналъ мужика!
Онъ безупречно во всякомъ нарядѣ
Службу свою отбывалъ,
А по стрѣльбѣ скоро въ первомъ разрядѣ
Ротный его записалъ
Мы бы въ учебной командѣ зимою
Стали его обучать,
И, подготовленный, онъ бы весной,
Въ роту вернулся опять;
Славнымъ со временемъ былъ бы онъ
взводнымъ...
Но не сбылися мечты!
Кончились лагери. Вѣтромъ холоднымъ
Желтые сдуло листья,
Сѣрый спустился туманъ на столицу,
Льются дожди безъ конца...
Въ осень ненастную сдали въ больницу
Нашего мы молодца.
Таялъ онъ, словно свѣча, понемногу,
Въ нашемъ суровомъ краю;
Кротко, безропотно Господу Богу
Отдалъ онъ душу свою.
Цынгу, всѣ болѣзни, и холодъ и голодъ
Русскій солдатъ испыталъ,
Все же подъ конецъ, передъ самою смертью,
Онъ Портъ-Артуръ вспоминалъ:
„Крѣпость-то, крѣпость была неприступная,
Но все же пришлось намъ отдать,
Долго въ засадѣ сидѣли голодными,
Нечѣмъ намъ было стрѣлять“...
Умеръ вдали отъ родного селенья,
Умеръ въ разлукѣ съ семьей,
Безъ материнскаго благословенья
Этотъ солдатъ молодой.

Ласковой, нѣжной рукою закрыты
Не были эти глаза,
И не одна о той жизни прожитой
Не пролилася слеза!
Полкъ о кончинѣ его извѣстили,—
Хлопоты съ мертвымъ пошли;
Въ старый одѣли мундиръ, положили
Въ гробъ и въ часовню снесли.
Къ выносу тѣла, къ военной больницѣ
Взводъ былъ отъ насъ наряженъ...
По небу тучи неслись вереницей
Въ утро его похоронъ.
Выла и плакала снѣжная вьюга
Съ жалобнымъ воплемъ такимъ
Плача объ участи нашего друга,
Словно рыдая надъ нимъ!
Вынесли гробъ, привязали на дроги,
И по худой мостовой
Старая кляча знакомой дорогой
Ихъ потащила рысцой.
Сзади и мы побрели за ворота,
Чтобъ до угла хоть дойти:
Взводу до перваго лишь поворота
Надо за гробомъ итти.
Дрогамъ вслѣдъ мы глядѣли-глядѣли
Долго съ печалью нѣмой...
Перекрестились, шапки надѣли
И воротились домой...
Люди чужіе солдата зароютъ
Въ мерзлой землѣ глубоко,
Тамъ, за заставой, гдѣ вѣтры лишь воютъ
Гдѣ-то въ глуши далеко.
Спи же, товарищъ ты нашъ, одиноко
Спи же, покойся себѣ
Въ этой могилѣ сырой и глубокой,
Вѣчная память тебѣ!

Варягъ.

Плещуть холодныя волны
Бьются о берегъ морской
Носятся чайки надъ моремъ,
Крики ихъ полны тоской.

Мечутся бѣлыя чайки
Что то встревожило ихъ,
Чу, загремѣли раскаты,
Взрывовъ далекихъ глухихъ.

Тамъ среди шумнаго моря,
Вьется Андреевскій стягъ
Бьется съ неравною силой,
Гордый красавецъ Варягъ.

Сбита высокая мачта
Броня пробита на немъ,
Борется стойко команда
Съ моремъ, врагомъ и огнемъ.

Пѣнится Желтое море,
Волны сердито шумятъ,
Съ вражьихъ морскихъ великановъ
Выстрѣлы чаще летятъ.

Рѣже съ Варяга несется,
Ворогу грозный отвѣтъ
Чайки снесите отчизнѣ,
Русскихъ героевъ привѣтъ!

Міру всему передайте,
Чайки печальную вѣсть.
Что въ битвѣ врагу не сдалися,
Пали за русскую честь.

Мы предъ врагомъ не спустили
Славный Андреевскій флагъ
Сами взорвали Корейца
Нами потопленъ Варягъ!

Видѣли бѣлыя чайки
Какъ скрылся въ волнахъ богатырь,
Смолкли раскаты орудій,
Стихла далекая ширь.

Плещутъ холодныя волны,
Бьются о берегъ морской.
Чайки несутся въ Россію,
Крики ихъ полны тоской.

Пѣсня рекрута.

Послѣдній нынѣшній денечекъ
Гуляю съ вами я, друзья.
А завтра рано, чуть свѣточекъ,
Заплачетъ вся моя семья.

Заплачетъ мать и мои сестры,
Заплачетъ братъ и мой отецъ.
Итти въ солдаты выпалъ жребій,
И вольнымъ днямъ пришелъ конецъ.

Еще заплачетъ дорогая,
Съ которой три года гулялъ.
Вести къ вѣнцу ее собирался,
Любить до гроба обѣщаль.

Коляска быстро подкатила
Около дома моего;
Въ коляскѣ старшіе кричали:
„Готовьте сына своего“.

Крестьянскій сынъ, давно готовый, —
Семья вся замертво лежитъ,
Помчусь теперь я къ жизни новой,
Народу и отечеству служить.

Шумѣль горѣль пожаръ Московскій.

Шумѣль горѣль пожаръ Московскій,
Дымъ разстился по рѣкѣ,
А на стѣнахъ, вдали кремлевскихъ,
Стоялъ онъ въ сѣромъ сюртукѣ.

*
**

И призадумался великій,
Скрестивши руки на груди,
Онъ видѣлъ огненное море,
Онъ видѣлъ гибель впереди.

*
**

И притаивъ свои мечтанія
Свой взоръ на пламя устремилъ,
И тихимъ голосомъ сознанія
Онъ самъ съ собою говорилъ:

*
**

„Зачѣмъ я шель къ тебѣ Россія,
Европу всю держа въ рукахъ,
Теперь съ поникшею головою
Стою на крѣпостныхъ стѣнахъ.

*
**

Войска всѣ созванные мною
Погибнуть здѣсь среди снѣговъ.
Въ поляхъ истлѣютъ наши кости,
Безъ погребенія... гробовъ.

*
**

Судьба играетъ человѣкомъ,
Она измѣнчива всегда,
То вознесетъ его высоко,
То броситъ въ бездну безъ стыда“.

Трансвааль.

Трансвааль, Трансвааль, звезда моя,
Ты вся горишь въ огнѣ.
Подъ деревцомъ развѣсистымъ
Задумчивъ Буръ сидѣлъ.

О чемъ задумался дѣтина?
О чемъ горюешь сѣдина
„Горюю я по родинѣ
И жаль мнѣ край родной.

Сыновъ всѣхъ десять у меня
Троихъ ужъ нѣтъ въ живыхъ,
А за свободу борются
Шесть юныхъ остальныхъ.

А старшій сынъ, старикъ сѣдой,
Убить ужъ на войнѣ;
Онъ безъ молитвы, безъ креста
Зарыть въ чужой землѣ.

Младой сынъ двѣнадцати лѣтъ
Просился на войну,
Но я сказалъ, что нѣтъ, нѣтъ,
Малютку не возьму,

Я выслушалъ просьбу малютки,
Обнялъ, поцѣловалъ,
И въ тотъ же день онъ со мной
Пошли на вражій станъ.

Однажды при сраженіи
Отбить былъ нашъ обозъ,
Малютка на позицію
Ползкомъ патронъ принесъ.

Насталъ, насталъ тяжелый часъ,
Для родины моей,
Молитесь вы женщины
За вашихъ сыновей.

Трансвааль, Трансвааль страна моя,
Бурь старый говорить,
За кривду Богъ накажетъ насъ,
За правду наградить.

Быстры какъ волны.

Быстры, какъ волны
Дни нашей жизни.
Что часъ то короче
Къ могилѣ нашъ путь.

Налей, налей, товарищъ,
Заздравную чару,
Богъ знаетъ, что станеть
Съ нами впереди

Умрешь похоронять,
Какъ не жиль на свѣтѣ,
Сгниешь не востанешь
Къ веселью друзей.

Налей, налей, товарищъ... и т. д.

Гробомъ накроютъ
Глаза навсегда.
По смерти не станешь
Пить больше вина.

Налей, налей товарищъ... и т. д.

Машинушка.

Много пѣсенъ слыхаль я въ родной сторонѣ,
И про горе и радость тамъ пѣли;
Изъ тѣхъ пѣсенъ одна въ память врѣзалась мнѣ—
Это пѣсня рабочей артели:

Эхъ, машинушка, легче,
Эхъ, желѣзная, сама идетъ!
Наладимъ, наладимъ

Да пу́стимъ!

Англичанинъ-мудрецъ, чтобъ работѣ помочь,
Изобрѣлъ за машиной машину,
А нашъ русскій мужикъ, коль работать невмочь,
Такъ затянетъ родную „машину“.

Эхъ, машинушка, и т. д.

За годами года проходили чредой,
Измѣнилась родная картина,
И дубина съ сохой отошли на покой,
Ихъ смѣнила царица-машина.

Эхъ, машинушка, и т. д.

Старый строй разрушалъ капиталъ-властелинъ,
Съ корнемъ рвалъ онъ дворянскіе роды,
Мужиковъ и ребятъ изъ родныхъ палестинъ
Гналъ на фабрики, верфи, заводы.

Эхъ, машинушка, и т. д.

Гдѣ дворянская жизнь, что лилася рѣкой?
Ужъ не гнутся на барщинѣ спины;
Править Русью купецъ золотою рукой,
Мужиковъ превратилъ онъ въ машины.

Эхъ, машинушка, и т. д.

Знать, англійскій урокъ не пропаль—пошелъ
впрокъ,

Поумнѣлъ нашъ россійскій купчина,
Лишь рабочій порой вопрошаетъ съ тоской:
„Что тяжелѣ: соха иль машина?“

Эхъ, машинушка, и т. д.

Маруся отравилась.

Вечеръ вечерѣтъ,
Наборщицы идутъ.
Маруся отравилась,
Въ больницу повезутъ.
Въ больницу привозили
И клали на кровать.
Два доктора, сестрицы
Старались жизнь спасать.

„Спасайте — не спасайте,
Мнѣ жизнь не дорога.
Я милаго любила —
Такого подлеца“.

Давали ей лѣкарства —
Она ихъ не пила;
Давали ей пилюли
Она ихъ не брала.

Подруги приходили
Марусю навѣстить,
А докторъ отвѣчаетъ:
„Безъ памяти лежитъ“.
Приходитъ мать родная
Свою дочь навѣстить,
А докторъ отвѣчаетъ,
Что при смерти лежитъ.

Пришелъ ея любезный, —
Хотѣлъ он навѣстить, —
А докторъ отвѣчаетъ:
„Въ часовенкѣ лежитъ“.
— „Маруся, ты Маруся!
Открой свои глаза!“
А сторожъ отвѣчаетъ:
„Давно ужъ умерла.“

Кого-то полюбила,
Чего-то испила,
Любовь тѣмъ доказала:
Отъ яду умерла“.

Каріе глазки.

Каріе глазки, гдѣ вы скрылись?

Мнѣ васъ больше не видать!

Отъ кого вы удалились?

Навѣкъ заставили страдать!

Я страдаю, страдать буду,

Буду плакать... Тяжко мнѣ...

Тебя, мой милый, не збуду,

Въ какой бы ни жилъ сторонѣ.

Но какая злая сила

Меня заставила любить?

Ахъ, знаю, злѣе крокодила

Любовь! Могу ль ее забыть?

Катись, слеза моя горюча,

Катись по бѣлому лицу!

Лети, письмо мое, скорѣе

Ко другу милу моему!

Милый приметъ, прочитаетъ

И, можетъ, вспомнить обо мнѣ.

Пойду я съ горя въ чисто поле,

Пойду въ дремучіе лѣса!

Закричу я шибко, громко,

Звѣрей лютыхъ созову:

„Ахъ, вы, звѣри, мои звѣри,

Звѣри лютые мои!

Растерзайте тѣло бѣло,

Выньте сердце изъ меня—

Отнесите мое сердце

Къ другу милу моему!“

Милый взглянетъ, ужаснется,

Вспомнить, что его люблю,

Что о немъ всегда страдаю,

Молодую жизнь гублю!

Ну, зачѣмъ о немъ страдаю?
Зачѣмъ я мучусь много дней?
Я горьки слезы проливаю,
Жалѣю участи своей.

Ужъ ты участь, моя участь!
Какъ же мнѣ на свѣтѣ жить?
Ну, зачѣмъ же моя участь,
Меня заставила любить?

Ахъ! Зачѣмъ эта ночь!

Ахъ! зачѣмъ эта ночь
Такъ была хороша.
Не болѣла бы грудь,
Не страдала душа.

Полюбилъ я ее,
Полюбилъ горячо,
А она на любовь
Смотритъ такъ холодно.

И любилъ я ее,
Всею открытою душой,
Не повѣрила мнѣ,
Ну, такъ Богъ-же съ тобой.
Знать понравился ей
Моей жизни конецъ,
Что съ постылымъ на зло
Мнѣ пошла подъ вѣнецъ.

Не видала она,
Какъ я въ церкви стоялъ,
Прислонившись къ стѣнѣ
Безутѣшно рыдалъ.

Послѣ свадьбы она
Такъ стояла грустна,
Позавяли цвѣты,
Разорвалась фата.

И я думалъ тогда
Жизнь покончить съ собой
Вышелъ на берегъ я
Небосклонъ голубой.

Звуки вальса неслись
Веселился весь домъ,
До коморки своей
Я добрался съ трудомъ.

А каморка моя,
Тамъ была на краю
И въ каморкѣ рѣшилъ
Жизнь покончить свою.

Горько плакалъ о ней
Я всю ночь до утра,
Какова будетъ жизнь
Безъ милого дружка.

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ.

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ
Искры гаснутъ на лету
Ночью насъ никто не встрѣтитъ
Мы простимся на мосту.

* *

Ночь пройдетъ и съ позоранокъ
Въ степь далекій милый мой,
Я уйду съ толпой цыганокъ
За кибиткой кочевой

* *

На прощанье шаль со каймою
Ты на мнѣ узломъ стяни,
Какъ концы ее съ тобою
Мы сходились въ эти дни.

* *

Кто-то мнѣ судьбу предскажетъ
Кто-то завтра соколъ мой
На груди моей развяжетъ
Узелъ стянутый тобой,

* *
* *

Вспомни же когда другая
Друга милаго любя
Будеть пѣсни пѣть играя
На колѣняхъ у тебя.

* *
* *

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ
Искры гаснуть на лету
Ночью насъ никто не встрѣтитъ
Мы простимся на мосту.

Не осенній мелкій дождичекъ.

Не осенній мелкій дождичекъ
Брызжетъ, брызжетъ сквозь туманъ, —
Слезы горькія льетъ молодець
На свой бархатный кафтанъ.

Полно, братъ, молодець,

Ты вѣдь не дѣвица:

Пей — тоска пройдетъ.

Пей, пей, тоска пройдетъ.

Но тоска друзья товарищи,
Въ грудь запала глубоко:
Дни веселія, дни радостей
Отлетѣли далеко.

Полно, братъ, молодець,

Ты вѣдь не дѣвица:

Пей — тоска пройдетъ,

Пей, пей, тоска пройдетъ.

Чудный мѣсяць.

Чудный мѣсяць плыветъ надъ рѣкою,
Все въ объятяхъ ночной тишины;
Я сижу и люблюсь тобою,
Здѣсь съ тобою, дорогая моя.

Ничего мнѣ на свѣтѣ не надо,
Только видѣть тебя, милый мой.
Только видѣть тебя безконечно,
Любоваться твоей красотой.

Но—увы!—коротки наши встрѣчи,
Ты спѣшишь на свиданье къ другой...

Такъ иди, пусть одна я страдаю,
Пусть напрасно волнуется грудь.

Предъ иконой я встану съ мольбою
И всю жизнь замолю за тебя,
Чтобы Боже послалъ тебѣ счастья,
Чтобы горя тебѣ не знавать.

А я буду всегда безъ участья
По гробъ жизни любить и страдать...

Для кого я жила и страдала,
И кому я всю жизнь отдала?

Какъ цвѣтокъ ароматный весною,
Для тебя одного расцвѣла;
Ты поклялся любить меня вѣчно,
Какъ голубку, лаская меня;

А потомъ же, смѣясь безконечно,
Ты навѣкъ мою жизнь погубилъ.

Я просила тебя, умоляла:

Приди, милый, проститься со мной!

А ты, подлый, другую ласкаешь
И смѣешься, тиранъ, надо мной.

Намъ теперь ужъ съ тобой не сойтися,—
Вѣрно, такъ ужъ угодно судьбѣ.

И могила моя одинока,—

Не придешь, не поклонишься ей...

Только яркое солнце высоко

Надъ крестомъ моимъ бѣднымъ взойдетъ.

Бѣлый камень лежитъ одиноко,
Точно сторожъ могилы моей.
Отчего не проснешься ты снова
Для цвѣтовъ ароматныхъ полей?

Гай! да тройка.

Гай! да тройка снѣгъ пушистый.
Ночь морозная кругомъ;
Свѣтитъ мѣсяць серебристый,
Мчится парочка вдвоемъ!

Милый шепчетъ увѣренья.

Ласково въ глаза глядитъ,

А она полна смущенья:

Что-то ей любовь сулитъ?

Такъ съ тревожными мечтами

Вдаль все мчалася она,

И не помнитъ, какъ съ устами—

Вдругъ слилися ихъ уста?

Гай! да тройка! снѣгъ пушистый

Ночь морозная кругомъ;

Свѣтитъ мѣсяць серебристый...

Мчится парочка вдвоемъ. —

Ужъ смѣнилась ночь съ зарею,

Утра часъ настальъ златой.

Тройка мелкою рысцою

Возвращается домой.

Ахъ! надолго-ль это счастье?

Не мелькнуло бы какъ сонъ,

Эти ласки сладострастья,

И вина бокаловъ звонъ!

Гай! да тройка снѣгъ пушистый,

Ночь морозная кругомъ;

Свѣтитъ мѣсяць серебристый,

Вновь поѣдутъ- ли вдвоемъ?

Коробейникъ.

„Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча,
Пожалѣй, моя зазнобушка,
Молодцаго плеча!
Выйди, выйди въ рожь высокую—
Тамъ до ночки погожу,
А завижу черноокою—
Всѣ товары разложу.
Цѣны самъ платилъ не малыя,
Не торгуйся, не скупись;
Подставляй-ка губки алыя,
Ближе къ милому садись!“
Вотъ и пала ночь туманная,
Ждетъ удалый молодець...
Чу!—идет! Пришла желанная,
Продаетъ товаръ купецъ.
Катя бережно торгуется,
Все боится передать;
Парень съ дѣвицей цѣлуется,
Просить цѣну набавлять.
Знаетъ только ночь глубокая,
Какъ поладили они...
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!
„Ой, легка, легка коробушка,
Плечь не рѣжетъ ремешокъ?
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенець.
Даль ей ситцу штуку цѣлую,
Ленту алую для косъ,
Поясокъ—рубаху бѣлую
Подпоясать въ сѣнокось;
Все поклала, ненаглядная,
Въ коробъ, кромѣ перстенька:
„Не хочу ходить нарядная
Безъ сердечнаго дружка“.

Тамара.

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ.

Въ той башнѣ высокой и тѣсной;
Царица Тамара жила,
Прекрасна какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ коварна и зла.

И тамъ сквозь туманъ полуночи,
Блесталь огонекъ золотой,
Кидался онъ путнику въ очи,
Маниль онъ на отдыхъ ночной.

И слышался голосъ Тамары,
Онъ былъ весь желанье и страсть,
Въ немъ были всеильныя чары,
Была непонятная власть.

На голосъ невѣдомой пэри
Шель воинъ, купецъ и пастухъ,
Предъ нимъ отворилися двери,
Встрѣчалъ его мрачный евнухъ.

На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостя, шипѣли
Предъ нею два кубка вина.

Сплетались горячія руки,
Уста прилипли къ устамъ,
И странные дикіе звуки,
Всю ночь раздавались тамъ.

Какъ будто въ ту башню пустую,
Сто юношей пылкихъ и женъ,
Сошлись на свадьбу ночную,
На тризну большихъ похоронъ.

* *
Но только что утро сіянья
Кидало свой свѣтъ по горамъ
Мгновенно мракъ и молчанье
Опять воцарялося тамъ.

* *
Лишь Терекъ въ тѣснинѣ Дарьяла,
Гремя нарушалъ тишину,
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.

* *
И съ плачемъ безъ главое тѣло,
Спѣшила она унести,
Въ окнѣ тогда что-то бѣлѣло
Звучало оттуда „прости“.

* *
И было такъ нѣжно прощанье;
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщаль.

То не вѣтеръ вѣтку клонить.

То не вѣтеръ вѣтку клонить.
Не дубравушка шумить;
То мое сердечко стонетъ,
Какъ осенній листь дрожить.

Извела меня кручина,
Подколотная змѣя...
Догорай моя лучина!
Догорю съ тобой и я!

Не житье мнѣ здѣсь безъ милой;
Съ кѣмъ теперь пойду къ вѣнцу?
Знать судили мнѣ, съ могилой
Обвѣнчаться молодцу.

Разступись земля сырая!
Дай ты молодцу покой!
Пріюти его родная,
Въ тихой кельѣ гробовой!...

Ухарь купецъ.

Съ ярмарки ѣхалъ ухарь купецъ
Ухарь купецъ молодой молодецъ,
Заѣхалъ въ деревню коней напоить,
Задумалъ гульбой онъ народъ удивить
Старыхъ и малыхъ онъ поить виномъ
Пей пропивай, пропьемъ наживемъ.
Ухарь купецъ, припѣваючи сидитъ,
Объ полъ ногой молодецки стучитъ.
Въ красной рубахѣ, красивъ и румянъ
Онъ вышелъ на улицѣ веселъ и пьянъ
Къ стыдливой дѣвченкѣ купецъ пристаеъ
Онъ манитъ голубить за ручку беретъ
Стыдно красавицѣ, стыдно подругъ
Рвется красавица изъ купеческихъ рукъ,
Красоткина мать расторопна была
Съ такими словами къ купцу подошла
Стой купецъ, стой не балуй,
Дочку мою не позорь не цѣлуй.
Ухарь купецъ потрянулъ серебромъ
Нѣтъ, такъ не надо, другую найдемъ
Отецъ тутъ красотки дѣло смекнулъ
Онъ старую чертовку ногой оттолкнулъ
Твое ли тутъ дѣло старая корга!
Пусть погуляетъ и дочка моя.

По всей по деревнѣ погасли огни
Всѣ старья, и малыя спать полегли,
Въ одной лишь избушкѣ горить ночникъ
Спать подгулявши на лавкѣ мужикъ,
Красная рубашка въ синихъ штанахъ
Скомкана шапка лежитъ въ головахъ.

Оглавленіе.

	Стр.
Стенька Разинъ	3— 4
Бродяга	5
Пѣсня о Чуркинѣ	6
Ермакъ	7— 8
Солнце всходитъ и заходитъ	8— 9
„Варягъ“	9—10
Умеръ бѣдняга	11—13
Варягъ	14—15
Пѣсня рекрута	15
Шумѣль горѣль пожаръ Московскій	16
Трансвааль	17—18
Быстры какъ волны	18
Машинушка	19
Маруся отравилась	20
Каріе глазки	21—22
Ахъ зачѣмъ эта ночь	22—23
Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ	23—24
Не осенній мелкій дождичекъ	24
Чудный мѣсяць	25—26
Гай! да тройка	26
Коробейникъ	27
Тамара	28—29
То не вѣтеръ вѣтку клонить	29—30
Ухарь купецъ	30—31

